

Joanna Korzeniewska-Berczyńska
Warszawa

Функции художественных цитат в публицистическом тексте

Осип Мандельштам считал, что „Цитата не есть выписка. Цитата есть цикада – неумолкаемость ей свойственна”¹. Сказанное, пожалуй, не относится к художественным, в том числе, – поэтическим цитатам, которые являются предметом заинтересованности в данном тексте². Ощущая возможности поэтического слова, которое способно „схватить» и постичь несказанное [а также недосказанное – И.К.-Б], лежащее за пределами языка и языкового сознания”³, можно понять влечение публицистов к его использованию. Однако следует подчеркнуть, что из трех ипостасей, в которых функционирует любой художественный текст, о поэтических цитатах можем говорить лишь как о носителе и „источнике информации о мире, представляемой сквозь призму национальной культуры”⁴.

Уже предварительный анализ отобранного материала показывает, что и поэтические „вербальные заимствования” могут использоваться с разнообразными целями, причем желательно сосредоточиться на том, какие именно авторы чаще всего учитываются в умеренной и поощряющей перестройку, а потом т.н. демократической прессе⁵. Разумеется, мы принимали во внимание только прецедентные тексты, причем мы их разделили на три группы. Это: 1) русские советские поэты, в той или иной мере апологеты своего времени, далее 2) классики русской поэзии XIX века и 3) запрещенные или „полузапрещенные” (в „режимное» время”) русские советские поэты.

¹ В. П. Руднев, *Словарь культуры XX века*, Москва 1999, с. 113.

² О типологии цитации, а также о других особенностях этого способа общения с читателем, см.: В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова, *Большой словарь крылатых слов русского языка*, Москва 2000, с. 3–15.

³ В.А. Маслова, *Поэт и культура. Концептосфера Марины Цветаевой*, Москва 2004, с. 13.

⁴ *Ibidem*, с. 23.

⁵ Как „цезуру отбора” мы принимаем 1989 год – пик перестроечных процессов, когда, по сути дела, было освобождено слово.

Безусловно, любая, а особенно публицистическая цитация, имеет где-то тенденциозный, предвзятый характер. Сказанное относится, в первую очередь, к отбору материала из советских источников. Здесь не учитывается эстетическая функция, а основное внимание уделяется функции экспрессивно-разоблачительной, безапелляционному клеймению доперестроечной советскости, сопровождаемому исполненным иронии переосмыслением всего и вся.

Кстати, действительно, – многие из этих творений трудно назвать поэзией, это, вернее, „оды Благодетелю”, осанна советским вождям. Но этот риторический прием оказывается заодно надежным орудием критики перестроечной и постперестроечной действительности. Не вызывает удивления факт, что поменять мышление „старое” на „новое” есть длительный, мучительный процесс, и даже самые благородные желания не могут его ускорить.

Трудно решить, то ли искренен этот мощный хор голосов, вдруг осознавших масштабность советского обмана, то ли мы имеем дело опять же с конъюнктурностью сугубо критических голосов, поющих „по последней моде”.

Тотальной критике подвергается михалковское содержание цитированного многократно советского гимна, а также *Букваря* Горецкого, его классической песни о советской „благодати”:

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы...
Нас вырастил Сталин на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил (Ог 89, нр 45)

Контекст, в котором функционирует эта цитата, изобилует скептическими нотами: чего можно ожидать от настоящего, а также будущего, если демиурги „нового миропорядка” поражены многолетней индоктринацией? Разоблачается ложь, заключенная, между прочим, в общеизвестных и последовательно цитируемых заклинаниях: „Молодым везде у нас дорога”, „Старикам везде у нас почет”.

Следующий пример: „Старая песня иного нет у нас пути» продолжает служить аккомпанементом в борьбе за »это»” (НГ 5.4.98).

Острой критике подвергается также извечная российская пассионарность, которой, естественно, сопутствует агрессивность: „Сначала »отречемся от старого мира«, »разрушим до основанья«! А затем »в царство свободы дорогу грудью проложим себе«” (НГ 22.4.93). Скрещение

„имперской страсти с красотой утопической идеи” – тоже проявление пассионарности. Сказанное проиллюстрировано фрагментом культового в советское время стихотворения Светлова *Гренада*:

Я хату покинул, пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.

Или даже так:

Но мы еще дойдем до Ганга,
Но мы еще умрем в боях,
Чтоб от Японии до Англии
Сияла родина моя (НГ 26.3.94)

Историческая память – это концепт, который относится не только к прошлому в крупном плане. Ее проявления сказываются всегда в нашем менталитете и индивидуальном, личностном, и тем более, – национальном.

Осознавая этот проверенный факт, публицисты скептически относятся к возможностям трансформации в духовной области, притом исходной оказывается убежденность в своей исключительности не только в положительном, но и в отрицательном смысле. Отсюда, надо полагать, „старые” цитаты с новым содержанием, иногда в форме перифразирования, например:

„»Я другой такой страны не знаю...« – страны несуразности, нелепости, несправедливости” (Альт 15.12.93). И перифраз известнейшей в советское доперестроечное время песни, отображающий суть т.н. общественной, т.е., – ничейной собственности: „Все вокруг особое/ Все вокруг мое” (Мкомс, 3.12.93).

Симптоматично, что осмысление настоящего, избыливающего трудноизлечимыми метастазами советскости, проходит посредством поэзии Александра Твардовского 25-летней давности. Например, накануне кровавых Октябрьских событий в Москве 1993 года:

И все похоже, все подобно тому,
что есть иль может быть,
а в целом –
все так несъедобно,
что в голос хочется выть.

Или мнение Лациса: „слова, «которые ищет [...] Россия, которые грохочут в каждом нынешнем политическом конфликте, нашел в свое время Александр. Твардовский:

Я сам дознаюсь
До всех моих просчетов.
Я их припомню наизусть

Не по готовым нотам.

Мне проку нет, – я сам больной
В смешной самозащите.
Не стойте только над душой.
Над ухом не дышите. Не дышат – рычат над ухом (Изв 15.1.94)

Александр Кацура, пытаясь ответить на вопрос: на какого человека сейчас можно и нужно рассчитывать, акцентирует присутствие в обществе „новых” пассионариев. С этой целью он перифразирует поэтические строфы Михаила Светлова:

Я хату покинул, пошел воевать,
Чтоб город Сухуми абхазам отдать.

Он обособляет также „живых динозавров”, для которых еще звучит пьяняще:

Мы на горе всем буржуам
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови (НГ, 26.3.94)

Истолкованию равно былого, как и настоящего, рыночного, во многом непонятного, способствуют голоса забытых, полуодобряемых, а также в свое время замученных. Это Сергей Клычков, Осип Мандельштам, это многогласые и необычно чуткие замечания талантливейших Александра Галича, Владимира Высоцкого, Булата Окуджавы, Бориса Чичибабина и многих других. Их пульсирующее болью и необычно глубоким восприятием поэтическое слово говорит нам многое, открывая новые, потаенные миры человеческих чувств, страданий, ожиданий.

Так, например, страшную суть Года Великого Перелома напоминает „разгромленный кулацкий поэт” Сергей Клычков, рисующий истекающий

кровью образ тех лет. Сила метафоры способствует более полному осознанию трагедии человека до пределов униженного и оскорбленного на пути к декретированному и неминуемому светлому будущему:

Меня раздели донага,
И достоверны были
На лбу приделали рога
И хвост гвоздем прибили.

А последняя строфа:

И я вот с парюю клешней
Теперь в чертей не верю,
Узнав, что человек страшней
И злей любого зверя (ЛГ 20.5. 02)

Нравственные проблемы, которые стали одним из основных сюжетов публицистического дебата, осмысливаются также посредством непреходящей многогранности поэтического слова. Поэтому вспоминаются мысли Наума Коржавина из его *Инерции стиля* как своеобразное *memento*:

Стиль – это мужество
В правде себе признаваться.
Все потерять, но иллюзиям не предаваться
Даже пускай в тебе сердца теперь уже мало.
Правда конца – это также возможность начала.
Кто осознал поражение, того не разбили.
Самое страшное – это инерция стиля (НГ, 30.4. 92)

Не иссякает память о том, как „нас учили жить, »не чуя под собою Земли« – вопреки законам, вопреки всем, кто жил в забвении, ибо »не был солидарен с нами«” (НГ 25.10.94). Расширенную интерпретацию этой мандельштамовской строфы мы находим у довольно часто цитируемого Александра Галича – певца внутренней свободы „поколения дворников и сторожей”, и катона для опасной бессмыслицы Единственно Правильного Учения. Неоднократно цитируется его проникновенное послание:

Не бойтесь сумы, не бойтесь тюрьмы,
Не бойтесь ни моря, ни глада.
А бойтесь единственно только того,
Кто скажет: Я знаю, как надо...

Язвительная ирония по отношению к кругозору климов петровичей обнажает ментальность рабов любой тоталитарной идеологии. Вспомним еще слова Александра Галича:

Израильская, говорят, военщина
Известна всему свету.
Как мать говорю и как женщина
Требую их к ответу (ЛГ 17.5.92)

Страдания есть человеческая участь на земной юдоли, однако их чрезмерность и еще обязанность называть это состояние счастьем вызывает соответственно реакции несогласия и бунта. Этот последний выражается в стремлении коренным образом переосмыслить прошлое, выкричать свою боль. Этому способствуют поэтические образы, напрмер:

Страна – лесоповал,
Сплошной штрафбат,
А щепки во все стороны летели,
А прямо нет дороги, а назад
Мы сами не хотели (ЛГ, 9.5.95)

Григорий Бакланов обращается к „неперестроенной власти” словами *Песни о Гайавате* в переводе Ивана Бунина:

Я устал от ваших распрей,
Я устал от ваших споров,
От борьбы кровопролитной,
Молитв о кровавой мести.
Ваша сила лишь в согласии,
А бессилие в разладе (ЛГ 7.1.98)

Хаос „переходного неизвестно к чему периода” порождает новые страдания, новые бедствия, очередной разлад. Хотя спектакль развитого социализма кончился, но духовное благоденствие не наступает. В этой ситуации актуальными оказываются извечные смыслы, заключенные в поэзии Владимира Высоцкого, причем некоторые из них имеют эксплицитный, понятный лишь при наличии у реципиента фоновой и дотекстовой информации⁶. Например, банальные, на первый взгляд, слова:

---

⁶ В. Маслова, *Филологический анализ художественного текста*, Минск 2000, с. 61 и след.

Ах, ребята, все не так,
Все не так, ребята! (Юн 1993, нр 8)

И еще: „Только кризис может власть принудить к пониманию, что развеселый принцип »Гуляй, рванина, от рубля и выше« не всегда бывает уместным [...]. Другой России у нас не будет” (Изв, 31.12.98).

Ощущение бездомности, чувство сиротства свойственны тем, кто забыт собственным государством. Такую боль выражают слова Бориса Чичибабина, которые цитируются в очередном обвальном году:

С мороза душу в адский жар
Впихнули голышом.
Я с родины не уезжал.
За что ж ее лишен? (ЛГ 14.1.98)

Актуальными оказались также слова другого мастера поэтического слова – Булата Окуджавы: „В России все еще надеются на лучшее: »Нам время подарило большие обещания [...]. Похоже, голова от этих обещаний кружится до сих пор«” (Нвр 1995, нр 2–3).

Учитывая фатализм как элемент национального характера россиян, трудно удивляться их пессимизму в контексте прогнозирования будущего России. Накануне путинского периода Игорь Бестужев-Лада вспоминает проникновенную мысль Александра Высоцкого:

Каждый волхвов покормить норовит,
А нет бы прислушаться правде?
Олег бы послушал – еще один щит
Прибил бы к вратам Цареграда (ЛГ 13.1.99)

Для инокультурного исследователя захватывающе, интригующе, поучительно то, с какой целью цитируется классическое поэтическое слово. Это Федор Тютчев (цитируется многократно, но одно лишь стихотворение *Умом Россию не понять*). Но здесь и цитаты из многочисленных произведений Александра Пушкина, реже – Михаила Лермонтова, Николая Некрасова и Александра Блока. Это также Гаврила Державин, Александр Вертинский, Алексей Хомяков и др.

Пушкинская строфа чаще всего включается в основной публицистический текст из-за проникновенности его пророческого слова, которое и сегодня звучит актуально, метко и убеждающе. Этот духовный ваятель, прекрасно знающий человеческую природу, не может быть проигнорирован.

Следует отметить, что нередко одна и та же цитата иллюстрирует разное содержание, и это лишний раз подтверждает универсальный характер мудрого поэтического слова Александра Пушкина. Так, например: „Мы все еще метафизическая страна, и выбираем не между физиками и лириками [...], а между физикой и метафизикой, причем метафизика кажется предпочтительней. Говоря словами поэта: »Тьма низких истин мне дороже, чем возвышающий обман«. Здесь все перевернуто вверх ногами; свет – тьма, обман и иллюзия продолжают свое обольщение” (ЛГ 10.10.99). И в эссе Николая Берга: „»Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман« – одна из самых заболтанных пушкинских цитат, которую произносим с почти неприличным и оплошающим искажением. »Нам« – словцо-уравниловка, разом снижающее тот уровень, на котором тот обман нужен и дорог” (ЛГ 1.3.97).

Отобразив продолжающийся и не совсем понятный хаос переходного периода, аналитики часто используют метафорику бесов, которые проживают в человеке, не разрешая навести гармонию. Это, м.пр., пушкинские силы тьмы: „»Закружились бесы разны, будто листы в ноябре«. Смутно, муторно” (ЛГ 11.3.98). И: „пушкинские »Бесы«” неотвязно лезут в голову:

Мчатся тучи, вьются тучи...
Хоть убей, следа не видно.
Сбились мы, что делать нам?! Безысходно? (ЛГ, 11.3.96)

Иногда подбор цитат, пожалуй, не совсем соответствует публицистическому авторскому замыслу. Это, например, мысль о насущной необходимости национальной идеи, понимаемой как панацея от актуальных невзгод после перестроечного и рыночного землетрясений: „Она есть, она коренится в самой душе русского народа, идея свободы, гордого, независимого, но ответственного человека, выраженная Александром Пушкиным: »На свете счастья нет, но есть покой и воля«” (ЛГ 5.1.98).

Подчеркивая хамство и другие пороки власти, авторы также неожиданно прибегают к отобраным не к месту пушкинским цитатам, например: „»На троне вечный был работник«. У власти должны быть не гении, но средние люди, профессионалы, знающие свое дело, хорошие работники” (ЛГ 7.10.97). Погрешность власти проявляется также в неуважении к отечественным пророкам, ибо „они [властвующие – И.К.-Б.] любить умеют только мертвых” (Изв 15.1.94).

В упрек власти (не только советской) звучит поэтическая строфа Державина:

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу (НГ 2.3.93).

„Небом избранные” оживают, их голос звучит полифоническими тонами. Воскресает возможность переосмыслить оболганное советское время. Поэтому как гениальное провидение воспринимается лермонтовская строфа:

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет.
Забудет чернь к ним прежнюю любовь
И пищей многих будет смерть и кровь,
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон (Ог 89, нр 30)

Суть революционной ауры смерти и, заодно, – тоталитарной морали, согласно которой правомерно, что „щепки летят”, выражена также посредством поэзии Михаила Лермонтова: „»Но в горло я успел воткнуть / И там два раза повернуть мое оружие«, – рассказывает Мцыри про свой бой с барсом. Вот это энтузиасты хотели не только »воткнуть«, но еще и »два раза повернуть« свое оружие в теле жертвы” (Ог 91, нр 16).

Осмысление-переосмысление прошлого, особо советского доперестроечного семидесятилетия, со временем сопровождается хором критических голосов, поющих далеко не осанну современности. Так, октябрьские московские события 1993 года привели к моральному потрясению общественности, вызывая, м.пр., потребность призвать, оживить поэтическое слово Александра Пушкина, которое способно не только создавать художественные образы, но и „выражать невыразимое”. Например:

Как молотком звучит в ушах упрек
И все тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах (НГ. 20.10.93).

Равно названные события, сопровождаемые смертью „мальчиков”, как и чеченская бойня – это как бы очередные мотивы кровавого исторического

сюжета. Несколько раз цитируется в этой связи стихотворение Александра Вертинского 1918 года „То, что я должен сказать”, потрясающее не только своей экспрессией, но и непреходящей актуальностью:

Я не знаю, зачем и кому это нужно,
Кто послал их на смерть не дрожащей рукой.
Только так беспощадно, так зло и ненужно
Отпустили их в Вечный покой (ЛГ 20.10.93)

И последняя строфа-обвинение, строфа-приговор мастерам »посылать на смерть« ради своих утопических и эгоистических целей:

И никто не додумался просто встать на колени
И сказать этим мальчикам, что в бездарной стране
Даже светлые подвиги – это только ступени
В бесконечные пропасти, к недоступной Весне (ЛГ 20.10.93)

Наша индивидуальная ментальность во многом предопределяется национальным началом, тем, в какой традиции мы воспитаны, какие ценности в нас утверждались. Неслучайно актуальной оказалась строфа Александра Блока о человеке, о тяготящей исторической памяти:

Рожденные в годы глухие
Пути не помнят своего.
Мы – дети страшных лет России –
Забыть не в силах ничего (НГ, 26.3.94)

Российскому национальному менталитету свойственно самобичевание, которое сопряжено с склонностью к мифологизации не только былого, но и будней, а этому сопутствует неиссякаемая вера в светлое будущее. Сегодня же (как всегда) от человека ожидается подвиг, и в этом контексте цитируются слова Николая Некрасова:

Люди холопского званья
Сущие псы иногда,
Чем им сильней наказание,
Тем им милей господа (НГ, 19.2.97)

Терпенье, подвиг – константные составные любого отведенного нам времени. Однако в российском этносе они выступают, пожалуй, в сильной

концентрации, заменяя „светлое настоящее”. Трудно однозначно решить вопрос о том, то ли россияне предпочитают все время кормиться иллюзиями, верой, надеждой, то ли это универсальное свойство, позволяющее человеку, особенно славянину, смириться с недоскональным порочным настоящим. Тем не менее надо полагать, что в трудное рыночное время неслучайно замечание: Некрасова приходит на ум:

Жаль только жить в эту пору прекрасную
Уж не придется ни мне, ни тебе (АиФ 1995, нр 5)

В заключение надо подчеркнуть, что изучение инокультурным исследователем роли поэтической цитаты в публицистическом тексте сопровождается множеством затруднений, ибо „эмоциональное и интеллектуальное общение авторов с читателем» требует общих знаний о представляемом мире и хотя бы »общей памяти«⁷.

Резюмируя данные размышления, мы хотим подчеркнуть, что анализ, которому посвящен данный текст указывает на факт что, как правило, игнорируется функция эстетическая, а особую прагматическую, „сиюминутную” роль играют другие функции, а именно: „Главным образом, – это желание повысить экспрессивность высказывания и таким образом усилить воздействие на эмоциональную сферу реципиента”⁸.

В этой связи происходит сознательная эксплуатация поэтической метафоры как надежного средства образного представления ситуации, в том числе – „выражения трудновыразимого”.

Посредством поэтического слова усиливается назидательный и внушительно-убеждающий смысл текста. Поэтическое слово используется с целью воспроизводить аргументы в пользу представляемых автором идей.

В свете вышепредставленного анализа публицистические приемы использования поэтической цитаты, которые вводят ее в совершенно иное, не художественное измерение, исключают возможность называть ее „неумолкаемой цикадой”.

⁷ Ibidem, с. 35.

⁸ В. А. Маслова, *Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста*, Минск 2000, с. 12

Список сокращений:

АиФ	–	„Аргументы и факты”
Альт	–	„Альтернатива”
Изв	–	„Известия”
ЛГ	–	„Литературная газета”
Мкомс	–	„Московский комсомолец”
Нвр	–	„Новое время”
НГ	–	„Независимая газета”
Ог	–	„Огонек”
Юн	–	„Юность”

Streszczenie*Funkcje cytatów z literatury pięknej w tekstach publicystycznych*

W niniejszym artykule autorka dokonuje analizy cytatów poetyckich zgrupowanych uprzednio w następujący sposób: 1) poeci radzieccy, którzy w różnym stopniu byli apologetami rzeczywistości sowieckiej, 2) klasycy dziewiętnastowiecznej poezji rosyjskiej, 3) poeci radzieccy, których dzieła w swoim czasie znajdowały się na indeksie lub też traktowano je z milczącym lekceważeniem, a wręcz ignorowano (najczęściej krążyły w tzw. drugim obiegu).

Dokonana analiza wskazuje, że konteksty cytacji świadczą o znacznym zainteresowaniu autorów cytujących instrumentalizacją literatury dla doraźnych celów – nie zwracają oni z reguły uwagi na wysokie walory artystyczne tych tekstów. Cytaty mają służyć zdecydowanej dyskredytacji sowieckiego siedemdziesięciolecia, zwłaszcza w aspekcie politycznym i społecznym, a także interpretacji wynaturzeń okresu pierestrojki i tzw. demokracji. Zatem możemy tutaj mówić o ekspozowaniu funkcji ekspresywnej i poznawczej.

Summary*The function of belles-lettres quotation in journalistic texts*

The author of this article analyses some poetic quotations which are grouped in the following way:

1. Soviet poets, who in different extent of involvement, were apologists of the Soviet reality
2. Classicists of the 19th century Russian poetry
3. Soviet poets whose literary works were forbidden, or were treated disrespect-fully, or simply ignored, therefore these pieces of work circulated frequently in clandestine publishing and distribution.

The analyse made by the author depicts that such way and context of citation was often used by many authors whose works played an instrumental role for temporary purposes. However, they did not always keep their minds on high artistic level of analysed texts. Their citations were frequently applied to discriminate the seventy – year period of the Soviet ruling, particularly in the aspects of political and social life as well as to point out degeneration of perestroika and the so called Soviet „democracy”. However, one can recognize their substantial, expressive and cognitive function.